Добросказки о животных

Набы и преходят в полноть

И. Урбина Романова

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ирина Урбина Романова

Бобросказки о животных, или Жабы приходят в полночь

«Автор»
2026

Урбина Романова И.

Бобросказки о животных, или Жабы приходят в полночь /
И. Урбина Романова — «Автор», 2026

Оригинальные сказки-притчи для взрослых, написанные в разные годы — от сытых нулевых до сегодняшнего дня. «Бобросказки» получили своё название благодаря ГотиШному Бобру, одной из интернет-субличностей, которой я баловалась когда-то на региональном форуме. И с тех пор в этих историях живут жабы, волки, медведи, трясогузки, бабочки и прочие существа, которые ведут себя по-человечески.Иногда это сатира, иногда — абсурд, иногда — почти тёплая сказка. Но все они о чём-то очень знакомом, что мы забыли. Или с чем слишком часто сталкиваемся в реальной реальности. Под одной обложкой собраны истории о животных, порой о людях и обо всём странном между ними.

© Урбина Романова И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Два медведя 5
Свободолюбивая коза 6
Робот и Бабочка 7
Майские жуки 8
Трясогузка 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Бобросказки о животных, или Жабы приходят в полночь

Два медведя

Медведь в кустах пристально следил за группой детишек, бесцельно бродившей по лесу. Двуногая ребятня топотала, будто стадо ежей, бегущих на водопой, ухала филинами, визжала полосатыми кабанятами и вдобавок смачно хрустела ветками, стараясь, по-видимому, как можно громче наступать на сушняк, в изобилии валявшийся под ногами.

— Аааaа! Заходи сбоку!...

— Вперед, моя доблестная конница!

— Увашаемые лыцали, не ссольтесь, пашалуста...

— Отойди!

— Не лезь!

— Зачем ты её брал?

— Я?! Я не брал! Это ты!...

— Я сама плишла!...

Медведь вздохнул, помотал головой и лапами, словно пытаясь отрешиться от этой адской какофонии звуков, но, увы, магические пассы не помогли. Всё осталось по-прежнему. Гомон, топот, хруст и визг, сопровождавшие детскую перепалку, никуда не делись. Тогда косолапый набрал воздуха в легкие и уже собирался было прокричать своё коронное «Шлю! Ха-ха-ха-а!», чтобы напугать мелких двуногих въедливых созданий, как вдруг девочка, которую никто из мальчишек явно не хотел брать с собой, заверещала, как резаная. «Шмея! Шмея! Там – шмея!» - вопила она, показывая пальцем в густую траву возле кустов, за коими прятался медведь.

«Раскрыли, гады!» — злобно подумал бурый и решил залечь на дно. Метафорически, разумеется.

Медведь улёгся на живот, закрыл глаза лапами и стал считать до десяти. Обычно это помогало ему расслабиться и прийти в себя. На счёте «десять» косолапый реально начинал понимать, что необходимо делать дальше. Однако в этот раз приём не сработал.

Вслед за девчонкой заголосили и пацаны, что-то с визгом пронеслось мимо кустов, в которых залёг медведь, затем раздался какой-то шлепок, захрустел сушняк и через пять секунд всё стихло.

Удивленный косолапый, высунув морду из кустов, на всякий случай брякнул короткое «Шлю! Х-ха!», но тут взгляд его наткнулся на странный предмет. На траве, на боку, лежало маленькое существо, отдаленно напоминавшее самого медведя. Детей нигде не было видно.

Бурый так и сел. Почесал правой лапой затылок. Обнюхал существо. Толкнул его левой лапой, перевернув на спину. Снова сел. Существо пахло чужим миром, но было очень, очень, очень похоже на его медвежат. Те же уши, та же морда, тот же милый взгляд.

Сомневался медведь буквально с минуту, затем он аккуратно взял зубами игрушку за ухо и понёс. Так у детей косолапого появился еще один брат.

Медведь воспитывал приёмыша лично, и, говорят, из того вышел толк.

Свободолюбивая коза

В одном небольшом городишке, на родине первого космонавта проживала себе неспокойно свободолюбивая Коза. Бывало, выведут её пастись, а она всё пытается с привязи сорваться да в космос податься. Да еще и соседей по пастбищу своих подначивает: «Что ж вы, птицы-животные, людям-то прислуживаете? Что ж вы им позволяете себя дрессировать да третировать? Что ж вы на род человеческий, проклятущий, спину за «спасибо» гнёте денно и нощно? Ай, гордости у вас нет? Ай, силушка закончилась? Были бы у меня крыла два, оторвалась бы я от земли грешной, да воспарила бы к облакам лёгким! Летала бы себе, в ус и бороду не дула, рога к низу не гнула. На хозяев сверху поплёвывала да слюной бы их к месту приковывала».

Но молчали в ответ птицы-животные. Гуси гоготали, да зерно искали. Куры на своём языке лопотали. Свиньи жирели, добрели, на солнышке тёплом свои пуза грели. Овечки паслись беспечно, а старый конь, бывший скакун-огонь, смирно свежую траву жевал, козьих выпадов вообще не слыхал.

Коза на такое равнодушие обижалась, но к утру забывала и снова волыну свою начинала. Про полеты, крылья, свободу от человеческого роду.

А тут как-то к праздникам совсем Коза свободолюбивая разгневалась. Стала хомо сапиенсов на чём свет стоит поносить да свободу, равенство и животное братство превозносить. И пожелала, чтобы сгинул весь род человеческий в раз навеки вечные.

Слово, вымолвленное в минуту подходящую, когда Вселенная уши свои раскрывает и желания выполняет, имеет свойство одно — сбываться. И на этот раз сбылось

Проснулась Коза раным-ранёшенько, глядь-поглядь — ан нет человеков-то! Дома есть, мебель есть, сараи есть, сено даже есть, а людей нет. Никто на пастбище не выгоняет, словами последними не ругает, на привязь не сажает. Иди, куда хочешь, делай, что душе угодно! И пошла Коза на пастбище. На своё место, к привязи, которую так ненавидела. Посмотрела на верёвку, головой помотала и рядом щипать зелень стала.

День прошёл, другой проходит, привязь уж сгнила, а Коза всё не уходит. Ходит на пастбище, словно на работу, и уж нет такого стремления к полёту. Смотрит свободолюбивая на небо, на солнце, пристально смотрит Коза, глаз не отводит. И мниться ей, что в голубой дали хороводят. Сначала летит космонавт первый, за ним — люди. А среди людей – её хозяева прошлые, и уже не злые, а добрые и хорошие

Смотрит Коза на небо поля посреди и шепчет только одно: «Прости, прости, прости...»

Робот и Бабочка

В одном научно-исследовательском институте, в веке так то ли тридцать первом, то ли тридцать пятом жил-был, поживал Робот. Высокий, статный, блестящий, то есть металлический — из сплава твердого, неразрушимого. Женщины-ученые очень любили Робота за его статность, крепость и красоту, а учёные мужи — в основном за многофункциональность да за скорость.

И хотя все любили металлического человека, сам Робот не любил никого. Потому что в программе было так заложено. Да и кого любить-то? Женщины — сплошь меркантильные. Влюбишься еще, так станут требовать по ресторанам дорогим водить, на машине новейшей катать, по светским тусовкам ходить, да шубку из альфацентаврийского выхухоля на 8 марта просить. А то и вовсе будут перед подругами его крепкими мускулами хвастать или как собачку всем показывать. Не дело!

В мужчину влюбиться? Ну, это уж совсем ни в какие ворота! Робот, он, знаете ли, традиционно-старой ориентации задумывался разработчиками. Гетеросексуалом был сделан, гетеросексуалом и остался, потому что никто ему так и не удосужился плату сексуальной ориентации поменять.

Так и ходил Робот десятки лет холодный, без искры любовной. Трудился без энтузиазма, с людьми общался по привычке. Продолжалось бы это еще несколько десятилетий, если бы не... Бабочка. Она появилась внезапно, когда Робот в лаборатории выполнял поручение своего шефа. Неизвестно, как она попала в закрытое помещение без окон, без дверей, но факт остается фактом — Робот увидел Бабочку. Увидел и, несмотря на отсутствие программы, отвечающей за чувства нежные, влюбился!

К веку то ли тридцать первому, то ли тридцать пятому бабочки практически вымерли, как отряд, стали величайшей редкостью, поэтому Робот в обычной Капустнице узрел красавицу неземную. В его техногенном мире из металла, бетона и более сложных материалов, Бабочка казалась воплощением чистоты, невинности и природы, которую никто никогда из людей не видел, но все о ней постоянно вздыхали.

Робот очень берёг Бабочку. Следил за ее здоровьем, не позволял вылетать на улицу при низкой температуре, сушил ее крылышки, если Бабочка вдруг случайно их мочила. Он пел ей колыбельные на ночь, будил запахом свежеприготовленного кофе, дарил ирисы и тюльпаны, а однажды порадовал свою возлюбленную самым настоящим цветочным нектаром.

Так продолжалось некоторое время. Но как-то раз глупенькая Бабочка, влекомая чисто женским любопытством, вылетела из лаборатории, где работал и жил Робот. Вылетела — и попала в руки к охочим до новых опытов ученым. Так как бабочки-капустницы были редкостью то ли в тридцать первом, то ли в тридцать пятом веке, то ученые тут же стали Бабочку изучать, проводить на ней эксперименты... Так и умерла Бабочка под микроскопом. А после её прикололи в коллекцию таких же мёртвых насекомых.

Робот поначалу ничего не знал о смерти своей подруги. Он днями и ночами искал Бабочку в коридорах научного института, выкрикивал её имя, расспрашивал людей... А люди подумали, что Робот сошел с ума, точнее съехал со своих плат, и решили препроводить его в больницу для роботов. Да не успели. Робот умер. И больше никто из робототехников не мог заставить биться его металлическое сердце.

С той поры НИИ обзавелся своими призраками. Иногда, вечером в коридорах института можно было увидеть Робота и Бабочку, играющих в догонялки и искренне смеющихся...

Вот только, поговаривают, что с каждым годом их видят всё меньше и меньше людей. Ну, оно и понятно. Ведь увидеть Робота и Бабочку может лишь тот, кто хотя бы раз в жизни любил по-настоящему.

Майские жуки

Давно это было. Аккурат, когда госпожа Эволюция майских жуков создала. Создала, да в землю молодь покидала. Мол, повзрослеют, вылезут на свет божий, а там, глядишь, сами разберутся что к чему. Умища-то палата! Коллективныя.

Но тонкий расчет госпожи Эволюции не сработал, ибо завелся посиредь майских жуков главный главнюк. Голова большущ-ща, ноги волосатищ-щи, брюхо длиннющ-ще. Что ни бряк-нет, то истина, что ни вякнет, то побуждение к действию.

Пока детство в жучьих жопках играло, оно-т и ничего было, вполне славно. Главнюк игры разные затевал да мероприятия организовывал. То круглый стол по проблемам корнеедения, то апрельский хоровод с муравьями-побратимами, то сдачу норм по жуколазанью и жукокопанию, то еще какую фигню, чтобы время скоротать. Молодо — зелено!

Но как выползли майские жуки на свет божий, так главный главнюк ихний и зачудил. Вывел всех на брег моря хладного и молвил:

— Эх, жуки вы мои, жученёшеньки! Доколе ж будем по субстрату грешному ползати, брюхом к низу, рылом в землю? Ай, не крылья ль у нас за спиной? Ай, не летати ли нам по небу синему? Не купаться ль нам в море-окияне глубоком, омывая сапоги наши в водах нейтральных? Айда ж заселять просторы планетные! Миром править да род наш жучий славить!

Ничего толком жуки из речи той не поняли, но головами согласно закивали. Ибо мировое господство, оно ж, что твой кошелёк потерянный. Кто первым найдет, тот с ним и ужинает. А жрать жукам завсегда было охота.

И построились рядами рядными, строями стройными. И встали на крыло, и полетели море с небом заселять. Главный главнюк же позади летит, отстающих теребит.

Увидел старик Море тучу жуков майских — брови белые нахмурил. А, ну, как понаедут, окаянныя, всю живность морскую распугают, рыбам плавники поотрывают, воду солёну выпьют да водорослями закусят? Чай, замахнулися насекомые не на однокомнатну квартирку подводную, а на господство мировое с просторами всепланетными.

Позвал старик Море Ветра младого в помощь. Замутили они вдвоём бурю грозную с дождями-ливнями, громами-ухоглохами и молниями-посверкашками. В той буре майские жуки и сгинули. Всё ж супротив 20 метров в секунду и всполоха в задницу даже мамонт не устоит, свалится. Что уж тут о жуках мелких говаривать?!

Так и помёрли майские жуки над морем хладным, а волны шустрые потом трупы ихние на берег повынесли — солнцу на забаву, птицам на потребу. Да только чайки жуками мёртвыми брезговали, за версту горы останков облетали. Вот и гнили мёртвые майские жуки, бризом утренним обдуваемы. А старик Море только в бородёнку свою зеленую посмеивался. Да рано посмеивался-то.

Выжил самый главный главнюк! Всё ж не зря сзаду летел. Выжить выжил, да ещё и потомство потом дал. Такое же тупенькое, но до мирового господства охочее.

Так с той поры и повелось. Как понародятся майские жуки, так их главнюк сразу же тащит в море-окияне сапоги омывать, мировое господство добывать. Ну, а старик Море не дремлет, всё в жопы жучьи молнии расфасовывает. Вот и омывают насекомыши постоянно сапоги до смерти.

А всё почему? Потому что главнюков завсегда надо первыми прихлопывать. От то-то жа.

Трясогузка

Давно это было. Ещё в стародавние времена, когда волосатые хомо сапиенсы под каменный стол пешком ходили, да мамонтов дубиной глушили, в зверином царстве, во птичьем государстве жила-была, проживала птичка. Собою невеличка, серенька с беленьким, глазки кругленьки, как бусинки, хвостик длинненький, узенький. Не красавица, но и не уродка. В общем, симпатяжка.

Да вот беда: не было у птички-невелички родителей и сродственников. Ни мамки, ни папки, ни братьёв, ни сестер. Да что там! Даже бабушки с дедушкой не было и тёток с дядьками! Сиротою горемышной маялась птичка по свету белому, крошки с чужих столов собирала, подаяния просила, работу черную выполняла. То у Бобра хату приберет после веселой попойки, то у семейства Кроликов за детьми малыми, шустрыми, попрыгучими присматривает, а то у самого Потапыча на посылках прислуживает. Уставала жутко! Но иначе — никак. Хочешь жить — крутись-вертись, как хошь, а на пропитание зарабатывай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.